

ЭТИ РАЗНЫЕ РИТМЫ

На праздничном концерте, посвященном 55-й годовщине Октября, во Дворце культуры профсоюзов туляки впервые познакомились с искусством молодого, но уже хорошо известного в нашей стране и за границей хореографа Юлии Взорова. Ансамбль, которым он руководит, называется «Ритм-балет». На его афишах — адрес: Омская филармония. Адрес устарел. Коллектив сменил прописку — теперь он работает в нашей филармонии. После 7 ноября «Ритм-балет» уже не раз выступал на сценах Тулы, показал свое искусство щекинцам, жовомосковцам. И всюду — аншлаги. Для туляков это, по существу, первая встреча с современным балетом. Сегодня мы знакомим вас с двумя солистами ансамбля.

Вместе с подружкой они нянялись, передевались, изображая что-то друг перед другом. А когда прочитали: «Объявляется прием в хореографическое училище», побежали в оперный. Никого не спросив... И там третьеклассники конравились. Их приняли. Условно. Потому что абитуриенты оказались без документов.

Перед родителями Нины Осипян встал дилемма: что делать? Отец спал и видел Нину в вузе. А она до сих пор не оправдала его чаяний, хотя в институт идти и сейчас не поздно. Ей 23.

У нее красный диплом училища. И она гордится своей победой. Впервые это чувство пронзило ее, когда пришлось бисировать па-де-де в «Дон-Кихоте», чего никак нельзя было делать. Выпускной концерт! Зал тогда раскололся овацией, и дирижер взмахнул палочкой: «Еще раз!» Это был настоящий праздник.

«Лебединое» считается экзаме́ном на балерину. Как только приехала она в Казань, ее сразу же ослепили: предложили готовить себя к Одетте и Одиллии. И Нина уже близка была к тому, чтобы ими стать. Но за неделю до премьеры подвернула ногу. Пришлось входить постепенно. Невест танцевала, потом больших лебедей. И только потом ведущие партии.

Как-то перед выездным спектаклем на лестнице она вдруг встретилась с Принцем. Новый актер? Какой интересный... Но актер не был здесь новичком. Здесь он бегал еще в детстве. Ему известны все ходы и выходы, каждый чуланчик. Очень долго строилось здание Татарского государственного театра оперы и балета.

В 55-м году, перед открытием театра, мать Рената и Рафаэля прослышала, что требуются молодые артисты. Будут учить. Сперва, когда об этом говорило радио, она не придавала новости особого значения. И даже когда сосед-артист уговаривал: устрой своих в это училище, — она советы его пропускала мимо ушей: нет, мол, у них таланта. Но когда она увидела, что многие уже доказывали своих детей в театре, и в этом нет ничего особенного, никакого стыда и страха, решила попытать свое счастье... Привела прямо в Министерство культуры республики. Министр товарищ Рахматуллин ей все лично пояснил: «Есть музыкально-драматический театр. Теперь открывают училище при нем. Кого зачислят, на девять лет pošлют в

Ленинград учиться. А когда отучатся, в Казани уже будет своя опера и свой балет. Смогут работать в новом театре».

С самого начала в Ленинграде ребят приучали к сцене. Первый выход помнится всю жизнь. До сих пор в Кировском идет «Раймонда» Глазунова. Ренат и Рафаэль должны были быть арабчатами в этом спектакле. Это когда Абдурахман дарит Раймонде шкатулку с драгоценностями. Вот ее-то и должны были вручить Ренат и Рафаэль. Потом заснуть у постели Раймонды. И проснуться, когда она проснется. Раймонда увидит жуткий сон, всплеснет руками, наткнется на детей, поднявшись со своего ложа. И им бежать в кулису. А они уснули по-настоящему. Дали занавес, весь театр хохотал... Мальчишки в толк взять не могли, почему смеются все. Ведь было 10 вечера. Они ждали-ждали своего выхода, умаялись. И заснули. Этот эпизод в Кировском запомнили и премьеры и мимансы.

Рафаэль учился классическому танцу. Потом в Казани он и стал Принцем. А в Ренате сразу увидели склонность к характерным танцам. И Ренат танцевал Шурале и Джотто во «Франческа-да-Римини».

Пусть Шурале — весь отрицательный, злой, коварный, «нехороший», но он броский, динамичный; и Ренат любил его больше всех. Это было интересно всем: самому ему, Нине Осипян и другим его партнерам, зрителю. Но как бы ни глубока была преданность герою, актер не может жить лишь им одним. Да. Ренат делал все, чтобы каждая новая встреча его с Шурале была волнующей, желанной, но за шесть лет он слишком хорошо познал своего коварного демона и против воли в душе все-таки стал изменять ему... Он полюбил концерты. Они — выход к разнообразию, импровизации, большей искренности, встреча с незнакомой публикой. И Ренат, и Рафаэль, и Нина всегда с радостью уезжали на шефские выступления перед нефтяниками, животноводами, солдатами. Исклесили всю республику. На гастролях танцевали в Москве. Любили всевозможные конкурсы. Готовились к ним, не давая себе покоя.

После одного такого выступления на программный спектакль Татарского театра оперы и балета исчезли фамилии Рената и Рафаэля, а вскоре и фамилия Нины перестала их украшать.

Произошло это года два назад после «Дипломата» и «Вечной весны». Ленинградский хореограф Виноградова-Туровская

с братьями Ибатуллиными привезла в Московский театр эстрады «Дипломата». Плакат-разо-бачение. Такого не было еще в балете. Обостренная публицистичность, точность, резкость мысли и воплощения. Ибатуллины в ипостаси «Дипломата» оказались для Юлии Взорова сущей находкой. Сам он, работы которого видели во многих странах, на том конкурсе пока зывал «Вечную весну». Когда на другой день в телефонной трубке Ренат услышал приглашение Взорова работать в его ансамбле, он и раздумывать долго не стал. Он хорошо представлял себе, что такое ритм-балет.

Прощай, любимый город, родной театр! Бог с ней, с трехкомнатной квартирой! Мама знает, что сын у нее все равно дома не живет... Нина и брат?.. Он их особенно даже не агитировал. Так вот втроем они и прикатили в Омск. Теперь Казань аплодирует другим приметам и премьерам. Новый у них комсорг.

А в «Ритм-балете» жизнь начинается в половине восьмого. Чуть ли не за час до класса Нина с Ренатом уже в зале. Разогреваются: разминают мышцы, гнутся, прыгают, чтобы тело лучше подготовилось к той работе, что предстоит. Потом — прыжки, пальцы... Потом репетиции по программе. Трех-четырёхчасовой перерыв. Сон. За два-три часа до концерта — в машине, и снова (уже на месте) полтора-два часа подготовки к той работе, что предстоит вечером. И эти два концертных часа оказываются самыми напряженными. После них одно желание — душ и рухнуть в постель! Никакого блеска в глазах. Весь блеск отдан танцу, музыке, зрителю.

В первое время мне показалось, что я не смогу, — говорит Нина. — Попадала в ансамбль во время постановки «Голубой рапсодии» в стиле блюз на музыку Гершвина. Там такие ритмы! В театре я разленилась. Я чувствовала, что там мне не хватало работы, малы нагрузки...

Теперь и она солистка.

В ансамбле «танцуют» джаз, народную музыку, классику, песни, стихи. Скрывают, «Полушко-поле», «Сиртаки». Хачатурян, Эдит Пиаф, Расул Гамзатов... В каждом танце свой ритм. Свое состояние. Своя тема.

— Объездили весь Союз. Как-то были на Сахалине. Забирались в маленькие селения, встречались с людьми, которые никогда в жизни не видели балет. Мало зрителей в зале, человек 40—50. Но эти 50 так принимали! Не отпускали, прощались прямо со слезами, — рассказывали Ренат и Нина.

Повсюду с собой они возят транзисторный телевизор «Юность-2». Его боковые панели украшают значки городов, где им приходилось бывать: Гербов Ленинграда, Казани, Омска нет. Для них это не гастрольные города, а родные. Тульского в коллекции тоже нет — это теперь их город.

Ю. ГАНИН.

24 DEC 1972

КОММУНАР

Тула